

чтобы стать самим собой, прорваться к «малиновому звону» своей души, ему довелось приложить немало усилий для изживания расхожих идеологических стереотипов и поэтических штампов. Только к середине 1960-х стало вполне ясно, что своеобразие поэта проявляется главным образом в его особом, восходящем к традициям Есенина восприятии родной природы и в чуткости к народному строю речи, его древним истокам, устным и книжным. Эти особенности были предопределены той средой, природной и социальной, в которой родился и жил С. В стих. «Подснежник» поэт видит нечто символическое даже во времени года — в ранней весне, когда он родился: «Был явлен я на свет в середине марта, / По старому — в начальный день весны, / Когда Авдотья — замочи порог / На вытканные за зиму холсты / От полноты душевной прослезилась». Однако после первой капли ударил мороз, а новорожденный в это время чуть не умер: «Меня в передний угол положили / И стали ждать, когда освобожу / Я этот свет от своего дыханья. / И только дед мой, — он не ждал, он верил / В дыхание подснежника. Он знал: / Подснежника морозом не убить. / И отступился от меня мороз. / А вытканные за зиму холсты / Мой дед на собственный припрятал саван...» Благодарность деду связалась в творчестве поэта с благодарностью всем предкам, без которых невозможна жизнь потомков. А вера деда в то, что «подснежника морозом не убить», стала верой внука в неодолимость весны, в живительные силы природы, которые помогают переживать беды и лихолетия, сохранять жизнелюбие. Вторая часть стих. воспринимается как выражение коренных, пантеистических по своему духу убеждений С.: «Мир уходящим! И благословенье / Всем приходящим! Верую в весну, / В ее черемуху, в ее ромашку / И ощущаю кровное родство / С любой сошедшей на луга травинкой, / Не потому, что сам травой стану, / А потому, что я дышу, живу... / И благодарно кланяюсь Авдотье. / Она при появлении моем / От полноты душевной прослезилась — / Погожее мне посулила лето / Своей — сквозь солнце пролитой — слезой».

Для пантеистического мировосприятия С. характерен и его рассказ о том, как он, уходя на фронт, прощался с родными местами: «Провожали меня на войну, / До дороги большой провожали. / На село я прощально взглянул, / И вдруг губы мои задрожали. / Ничего б не случилось со мной, / Если б я незначай разрыдался, — / Я прощался с родной стороной, / Сам с собою, быть может,

прощался». Родная природа является для юноши частью его самого, и он прощается с ней, как с самим собою: «Поспевала высокая рожь, / Наливалась густая пшеница, / И овес, что так быстро подрос, / Прямо в ноги спешил поклониться. / Заиграла, запела гармонь, / Все сказала своими ладами, / И платок с голубою каймой / Мне уже на прощанье подарен. / В отдалении гром громыхнул, / Был закат весь в зловещем пожаре... / Провожали меня на войну, / До дороги большой провожали».

Теме Великой Отечественной войны, кроме лирических стих., посвящены поэмы С. «**Былина о неизвестном солдате**» и «**Земляника на снегу**». В последней из них поэт попытался представить переживания и размышления генерал-фельдмаршала Паулуса, связанные с ходом Сталинградской битвы, которая существенно изменила его взгляды.

С. использовал жанр драматической поэмы или драматического повествования, в котором написаны «**Илья Муромец**» и «**Красная палатка**». Оба произведения прежде всего интересны старинным складом речи, которым говорят былинные богатырь, протопоп Аввакум и др. герои. Язык этих произведений, как и лирики поэта, насыщен пантеистической образностью.

Соч.: Подзимь: Избранное / вступ. статья Ал. Михайлова. М., 1985.

Лит.: Шестинский О. Жаворонок в солнечной сини // Нева. 1962. № 1; Бойко В. Радость зеленая // Волга. 1968. № 11; Михайлов А. Жаворонок в поднебесье // Михайлов А. Живут на Руси поэты. М., 1973; Кожин В. Поэтический мир Федора Сухова // Наш современник. 1973. № 3; Харчев В. Вкус полыни // Лит. обозрение. 1983. № 8; Забавский В. «Что ни дерево — небу све-ча...» // Лит. Россия. 1990. № 20. 18 мая.

М. Ф. Пьяных

СУШКО Александр Максимович [10.11.1938, Днепродзержинск] — поэт, прозаик.

Мать, Евдокия Тихоновна Подустова, происхождением была из орловских крестьян. Прадед со стороны матери отца, Максима Николаевича Сушко, был польским ксендзом. Родители имели высшее образование — мать окончила горный ин-т в Днепропетровске, отец железнодорожный ин-т там же. В годы войны отец по болезни был эвакуирован в Березники. Мать с детьми в 1942–43 пережила вражескую оккупацию (в Красном Луче). В послевоенные годы соединившаяся семья немало поездила — по служебным делам ро-

дителей — по городам и поселкам Украины: Жмеринка, Сколе (Карпаты), снова Красный Луч; там в 1955 С. окончил среднюю школу.

В школе увлекался самодеятельным театром; на него обратил внимание один из руководителей театра, бывший ленинградский актер. Он и увлек С. мечтой о Ленинграде. В 1955 С. поступает на юридический ф-т ЛГУ, но вскоре выясняется, что выбор был сделан без достаточного интереса к юриспруденции. Прервав занятия в ЛГУ, С. вернулся на Украину, где исходил пешком знаменитые голевские места, собирая впечатления и накапливая материал для своей истинной грядущей работы. Это было началом подлинного погружения в жизнь. Одним из первых и сильных толчков к занятию лит. творчеством было увлечение поэзией Владимира Маяковского.

«Факультетом самообразования», по словам С., стала для него сама жизнь. Он то снова возвращается в Ленинград, не для учения на юрфаке (но пользуясь нелегально общежитием ф-та, ибо Ленинград навсегда остается для него главным городом жизни). В эти недели и месяцы он все свои силы вложил в самообразование: более ста посещений театров, почти ежедневные посещения Эрмитажа и Русского музея. И — постоянное чтение, вхождение в опыт лит-ры прошлых времен и современности. Знакомство С. с «Золотой розой» К. Паустовского стало, по его словам, открытием программного творческого ориентира. Все ближе становятся ему прозрения русской поэзии XX в.: 1960, который он проводит в Одессе, более всего значим для С. глубоким знакомством с поэзией М. Цветаевой. В это время он переживает период первой серьезной пробы своих творческих сил — пишет поэмы «Хлебников», «Врубель», «Живописное». В 1961 возвращается в родной шахтерский Красный Луч. За последующие полтора года он осваивает почти все виды подземных работ в шахте: крепильщика, навальщика, плитового, проходчика... Спустя мн. годы — в конце XX в. — эти впечатления и воспоминания стали материалом романа «Дикое поле», над которым С. работает в настоящее время.

Первое стих. С. опубликовал еще 11-летним школьником в киевской пионерской газ. под псевдонимом Виктор Воробьев. Активное участие в лит. жизни относится к 1962–63, которые С. проводит в Мариуполе, войдя в местную творческую среду как поэт, остро отзывающийся на события текущей жизни. За это он был раскритикован на совместном партийном и творческом пленуме, где ему был навешен ярлык «местечкового Евтушенко».

Вскоре С. делает второй заход к получению высшего образования; в 1963–67 он учится на филол. ф-те Таганрогского педагогического ин-та. Впрочем, к этому времени относится не столько учебная, сколько напряженная поэтическая работа, в результате которой С. сочинил около 15 поэм. После окончания ин-та в 1967–69 он работал учителем в школе на хуторе Вознесенском в Ростовской обл. Неподалеку от этих мест в свое время им была пережита война, оккупация. Там он начинает писать прозу о войне («**День был солнечный и последний**») и сатирические рассказы («**Похороны козла**» и др.). Еще год он работал воспитателем в интернате в Красном Луче. Была также совершена попытка поступления в аспирантуру МГУ по специальности топонимистика, но — не слишком настойчивая, ибо науч. работа все более мешала работе литературной. В эти годы С. жил поблизости от Москвы в Калинин (Твери), пробовал свои силы в создании обширного произведения в форме венка сонетов («**Виктор Кторов**», 1972); опубликован он был лишь в 1997. Следующий роман в стихах, написанный также в эти годы, появляется в печати в 2002 в «Издательстве Буковского».

В 1973 происходит окончательное возвращение С. в Ленинград. Он поступает на Ижорский завод в литейный цех формовщиком (его связь с Колпино, с Усть-Ижорой становится постоянной и с годами все более крепнет). В начале 1970-х С. знакомится с ленинградским худож. андеграундом, коллекционирует образцы «подпольной» живописи. Расширяются его контакты и с лит. средой, в частности с писателями старшего поколения. К 1973 относится его знакомство с П. Антокольским (памятные четыре встречи, переписка. В книге воспоминаний об Антокольском опубликованы и заметки С.). С интересом отнеслись к сочинениям С. В. А. Рождественский, И. Михайлов, В. Максимов, Л. Хаустов. В середине 1970-х создается новый роман в стихах «**Алена Арзамаская**» — в печати появляется в 1998. В 1977 создается повесть «**Мокош**», в которой чувствуется полемика с М. Булгаковым, в особенности с романом «**Мастер и Маргарита**»; тогда же пишется роман-сказка «**Дядя Вася**». Вторая половина 1970-х была погружением в события «смутного времени», в результате были написаны некоторые рассказы, поэма «**Волхова**», однако задуманный С. роман на историческую тему «**Полетье лютое**», переключаясь со смутным временем конца XX в., так и не был завершен. В эти го-

ды С. близко сходится с художником андеграунда Валерием Клеверовым (Клевером). Своим чередом идет постоянная лит. работа, но рукописи созданных поэм, рассказов, очерков и т. п. зачастую возвращаются из ленинградских журналов с «отказами». Среди написанного в эти годы романы **«Провинциальный вестерн»** и **«Исповедь диссидента»**.

Одновременно С. обнаруживает новые стороны своей творческой натуры — общественную активность. В 1991 он был приглашен на службу в администрацию Колпинского р-на на должность заведующего отделом культуры. Его работа не лишена была и лит. значимости, благодаря его заботам были установлены 3 мемориальные доски, в т. ч. Маяковскому; издано 32 номера лит. альм. «Колпица» и 2 номера альм. «25 верста от СПб». С 1999 С. начал издавать «толстый» ж. «Михайловский замок»; кроме того, он принимал участие в создании историко-мемориального заповедника в Усть-Ижоре и т. д.

Тем временем лит. известность С. становится все более очевидной: публикуются мн. его произведения прежних лет; создаются и печатаются новые. Некоторые из них переводятся в США, в Швеции (там — на двух яз. книга о художнике Евг. Орлове). Широта лит. интересов и возможностей С. несомненна: он пишет, помимо прочего, историко-краеведческий очерк **«Кораблик по небу плывет, или Сказ об Адмиралтейском районе»**, подготавливается энциклопедия о Колпино и Усть-Ижоре, а также **«Новая повесть о Царском Селе (опыт энциклопедии)»**. За последние десять лет выпущено немало поэтических сб. — собственных и в соавторстве с др. литераторами. Удалось организовать «возвращение» в лит-ру В. Малаяревского; продолжается работа над «малой прозой» (**«Миф о бороде»**, **«Грибной синдром»** и др.).

Соч.: Похороны козла: Рассказы и повесть. Л., 1990; Волхова: поэма. Тосно, 1994; Виктор Кторов: роман. СПб., 1997; День был солнечный и последний: рассказ. Царское Село, 1997; Дон-Кихот из Криндачевки. СПб., 1998; Алена Арзамасская: Роман в стихах. СПб., 1998; Женщина страны, канувшей в Лету. СПб., 2000; Кораблик по морю плывет, или Сказ об Адмиралтейском районе. СПб., 2001; Два титана русской эмиграции: Иванов и В. Клевер. СПб., 2001; Слово о Галецком. СПб., 2002; Домовой: Роман в стихах. СПб., 2002; Клевер и... СПб., 2002.

Лит.: Михайлов А. [Предисл. к повести А. Сушко «Притча о Клячкине»] // Ижорец. 1993. 30 июня; Михайлов А. В поэтическом небе Петербурга // Колпица.

1994. № 4; Виноградова С. В борьбе с дисгармонией мира (Женская тема в творчестве А. Сушко) // Женщина в массовой коммуникации: Штрихи к социокультурному портрету. СПб., 2000. Вып. 2; «Идет война. У каждого свой окоп. А Родина — одна...» — считает писатель Александр Сушко / беседовал А. Нестеренко // Царскосельская газ. 2000. 15 июля; Михайлов А. О художнике из страны кривого Зазеркалья // Рог Борей. 2001. № 11; Михайлов А. Трагедия страны глазами художника // Рог Борей. 2001. № 12; Виноградова С. Кораблик, уплывающий в вечность. Заметки о новой книге Александра Сушко // Рог Борей. 2002. № 13; Михайлов А. Графика в грызне с тоталитаризмом // Рог Борей. 2002. № 16.

В. М. Акимов

СЫРНЕВА Светлана Анатольевна [26.10.1957, д. Русско-Тимкино Уржумского р-на Кировской обл.] — поэт.

Окончила филол. ф-т Кировского гос. педагогического ин-та им. В. И. Ленина (1978). Преподавала русский яз. и лит-ру в сельской школе (1978–79). С 1979 сотрудница, а затем главный редактор районной газ. в Уржуме Кировской обл. (до 1985); работала корреспондентом областной молодежной газ. «Комсомольское племя» в Кирове (1985–86), лифтером (1986–92), корректором (1993–98), с 1998 по 2000 — методист Кировского отделения СП России. В настоящее время консультант Комитета по печати и информации Кировской области. Член СП России (с 1991), секретарь правления СП России, член общественного совета ж. «Наш современник».

По признанию С., «складывать» собственные стихи она начала как только научилась писать на бумаге (**«Любимые дети Державы»**. С. 131). Первое стих. С. опубликовано в 1967 в районной газ. «Кировская искра», когда поэту едва исполнилось 10 лет. Неоднократно принимала участие в областных совещаниях и фестивалях молодых поэтов, где в 1988 стихи С. получили высокую оценку поэта Н. Старшинова. С этого времени стихи С. печатаются в центральных лит. ж. и коллективных сб. и антологиях, самые значительные из которых — **«Лучшие стихи 1991 года»** и **«Любимые дети Державы»** (2002).

Критики рассматривают творчество С. в ряду «национально обозначенной совр. русской поэзии, ориентированной на традиционные ценности» (Баранова-Гонченко Л. Поймите лишь, каких носители вы сил. С. 7), т. е. в числе поэтов, напряженно рефлектирующих над совр. драматичным моментом рус-